

И, вот, тогда я кой-чего пойму

Саш Баш

***

Утренний свет щекотал полусомкнутые веки. В мареве пробуждения торкалось в душу, крутилось на поверхности сознания что-то смутно-томящее, пугающее своей болезненной откровенностью. Тоха потер лоб, открывая глаза, увидел высокий потолок, угол шкафа, полуоткрытую дверь. И вспомнил: он выебал Калерию. Он мучительно застонал, мечтая провалиться обратно в сон.

Из кухни тянуло ароматом хорошего кофе. Слышно было звяканье посуды. Цокал коготками по ламинату и нетерпеливо потягивал Ричи. Тоха понял, что надо встать и что-то сделать. Нарушить мучительную неловкость этого ужасного утра. Джинсы и майка были под рукой — странно, он и не помнил, как принес их сюда. Тапок нигде не было. Он сделал вид, что ищет их, потом плюнул и обреченно пошлепал в кухню, рассматривая свои босые ступни. Калерия при полном параде расставляла на сушилке помытую посуду. Мазнула равнодушным взглядом по вошедшему Антону, плящущемуся в пол, и негромко поздоровалась. Рядом подпрыгивал Ричи, предвкушая прогулку. Антон откашлялся, не поднимая глаз.

— Доброе утро.

Он не знал, что сказать дальше. Кухня сверкала обычной хирургической чистотой, хозяйка была свежа, по-деловому опрятна и, казалось, даже в мыслях не имела испытывать неловкость. Антон даже подумал, что вчерашнее привиделось. Тем не менее, совесть чесалась.

— Калерия Борисовна... Я хотел сказать... — Блин, нет, этого нельзя произнести! Черт, ноготь на большом пальце ноги обломан, надо подстричь. — Я вчера немного...

— Антон, я надеюсь, после вчерашнего вы не считаете себя обязанным на мне жениться? — С прохладной издевкой отчеканила Калерия. — Простите, мне пора идти. Кстати, у вас не найдется немного времени погулять с Ричи? Я уже опаздываю. Затренькал мобильник: «Да-да, выхожу!» — Калерия улетучилась, оставив холодный аромат туалетной воды.

На душе было словно семечками намусорено. Называется, почувствуй себя дебилом. Утренняя чистенькая кухонька ничем не напоминала вчерашний хмельной полумрак. Тоха так-то был правильный парень, но никто никогда не объяснял ему, как относиться к таким ситуациям. Да и кто бы мог представить...

Следующие несколько дней прошли в смущенной попытке осознать и приспособиться. Калерия вела себя как обычно. Иногда лишь он ловил на себе ее странный кошачий взгляд. Он, правда, не знал, хотел ли он продолжения или провалиться сквозь землю. Так прошла неделя. В субботу он был выходной, провалялся чуть не до обеда. Идти было некуда. Делать нечего. Он лениво позавтракал на кухне и пошлепал к себе. Калерия еще с утра затеяла какую-то уборку. Дверь ее была приоткрыта. Она стояла на шаткой стремянке в коротком цветастом халатике, протирая хитроумную люстру. Антон рефлексивно выхватил взглядом почти полностью открывшиеся гладкие поджарые ляжки. Калерия оглянулась и слегка пошатнулась на стремянке. Тоха резво подскочил, вцепившись в дюралевый каркас, выравнивая положение.

— Спасибо, Антон! — Дружелюбно улыбнулась Калерия. — Подержите так немного. С этими

подвесками всегда такая маета...

Антон крепко зафиксировал шаткую стремянку, поглядывая вверх. С этого ракурса и трусы Калерии посверкивали кружевной белизной, особенно, когда руки поднимала. Кажется, она закончила и шагнула на ступеньку вниз. Её гладкие ноги встретились с пальцами Антона, и она замерла на мгновение, не оборачиваясь. Сделала шаг еще ниже. Рука Антона оказалась под халатом, на шелковисто-кружевной попе. Калерия молчала, прикрыв глаза, и вцепившись в стремянку, пока Антон спокойно стягивал с нее трусы, приподнимал халат и рассматривал при дневном свете полные ягодицы и прячущийся под ними кусочек промежности. Стремянка вздрагивала. Антон ласкал пальцами просматривающиеся сзади пухлые половые губы. Мееедленно, до дрожи. Боже, как легко она разрешила это сделать. Будто только этого и ждала. Будто вся эта уборка, вся эта жизнь — только ради того, чтоб в одно мгновение остановиться и замереть ради его небрежных поползновений. В каждой гордой леди живет шлюха. Теперь он это точно знает. Пальцы стали влажными. Он тяжело подхватил Калерию под грудь, снимая со стремянки, разворачивая к себе. Желтые глаза прикрылись и сузились. Грудь волновалась под халатом.

— Снимай это! — По-хозяйски кивнул Антон. Почему-то в этот момент он совершенно точно знал, что делать, чувствуя себя хозяином положения. Хозяином своей хозяйки.

Калерия молча стояла, не двигаясь. Лишь глаза ее возбужденно расширились, да на лице появилось беспомощное выражение.

— Ну, мне опять самому стараться? — Прессанул Антон. — Я в твоих застежках запутаюсь. Оой, как у него стоял, когда Калерия отчаянно глядя прямо ему в глаза, стала расстегивать пуговицы халата, задыхаясь до слез! Она скинула с плеч цветастую одежду и выпрямилась, демонстрируя крупную грудь в белоснежном бюстгальтере, мягкий живот, пышные обнаженные бедра, мокнувший, в редких волосиках, темноватый персик промежности.

— В кресло иди. — Сказал Антон. У него появились идеи. Калерия, замороженно оглянувшись, медленно продефилировала в указанном направлении, тягуче раскинулась в кресле, затягивая неуверенно-отчаянным взглядом. Антон подошел, на ходу стягивая джинсы, подтянулся за спинку, резво вскочив коленками на подлокотники. Член его закачался перед лицом Калерии, задевая ее по губам.

— Ну, давай, бери! — Сказал Антон, глядя сверху вниз в широко распахнутые глаза хозяйки. — Не ломайся уже! Он понимал, что она все делает. Должна это сделать.

Взял в руку член, нетерпеливо постукивая по ее сжатому рту. Калерия, зажмурившись, вжалась в кресло. Крупная гладкая головка надавила на подкрашенные узкие губы, и Калерия закашлялась вдруг от упругого напора упершегося в горло члена.

— Уффхх! — Антон, вцепившись в спинку кресла, медленно зафиксировал бедра, с жестоким наслаждением вжимая голову хозяйки в мягкую обивку спинки.

— Нра-авится? — Сверху вниз заглянул он в ее расширенные глаза. Ответом было страстно выгнувшееся тело, помутненный взгляд, подкрашенные губы, алым цветком сомкнувшиеся у основания члена, широкий язык, блядски пробежавший по стволу.

Ей это нравилось. Он это видел. Он почувствовал за стальной выдержкой ухоженной леди недобравшую откровенного разврата самку. С ней можно было делать всё, что угодно. Что не позволяла ему Оленька и другие «приличные» девчонки. Они примет. Она позволит. Он не спеша, но настырно начал потрахать послушный рот, любясь вздрагивающими в пенно-кружевном бюстгальтере молочно-белыми грудями и слюной, вытекающей изо рта.

Ее коготочки судорожно скребли его мускулистые ноги и бедра. Из горла вырывались заглушенные стоны. Она вся извивалась под его нарочитым напором. И текла... Он видел это. Ее, как и его, заводил этот безрассудный секс. Молодец! Какая ж она молодец, эта тетка! Как же он сразу не понял, дурак!

— Давай раком! — Он упруго соскочил с кресла. Калерия затрудненно откашливаясь. Лицо ее было испуганно-счастливым.

Подтолкнул на пол, устанавливая поудобнее, прогибая поясницу, приподнимая за бедра, раздвигая ноги, любуясь развратно распахнутыми половыми губами. Стащил лифчик. Белые груди с темными сосками закачались на весу. Обернулась, отчаянно зажмурившись, следя, как, сосредоточенно Тоха набухшей влажной головкой врезается во вздрагивающую промежность. Член заполнил горячее нутро, заработал, развращая и растрахивая, выколачивая сладко-мучительные стоны и крупную дрожь зрелого тела. Между ними захлюпало сладкое месиво, затягивая в мутную лужицу откровенной похоти. Калерия тычется головой в пол, выпячивая навстречу его упругим бедрам алчущие внутренности. Низко мыча, грызет ухоженные пальцы, видать, чтоб не разорваться на весь профессорский дом, можно представить, какой будет резонанс! Утонченная интеллигентная вдова, яростно бьющаяся под нахальным мальчишкой из глубинки.

— Ну, и как? — Задыхаясь, оттягивая за взлохмаченные рыжие волосы, заглядывая в безумные глаза, в растянутое страстью лицо. Резко шлепая ладонью по волнующимся бедрам. — А говоришь: мальчик. Интересно, он всегда знал, что умеет пользоваться своим вполне пристойных размеров членом так, чтоб выбивать из партнерши вопли удовольствия? Или только сейчас понял, осознал свою миссию — доминировать и ублажать, а раньше все было несерьезно? Ну, мычи-мычи громче, отчаяннее бейся в меня своей маткой, я уже на подходе, вот и дыхание сбивается, и эти мурашки...

— А... А!... А!!! — Калерия полностью потеряла контроль над собой, вопя и мотая головой по полу, вздрагивая всем телом, засасывая Тоху в водоворот без выхода наружу.

«Можно кончить. В нее кончить! Как в прошлый раз. Ничего же не будет... Как хорошо! Аааааххх... « — Сперма забрызгала сжимающееся влагалище, горячими струйками потекла наружу, омывая яички. Мозг затуманился сладкой судорогой, победной пульсацией получившего свое организма. «Блять! Хорошо! Хо-ро-шо! Хорр-рро-шшо!!» — Антон обессиленно отвалился на пол, мазнув Калерию ладонью по заднице. Она сжалась в комок на полу и вздрагивала, переживая отходящий оргазм. Ухоженное лицо было мокрым от слез и испарины и расслабленно-умиротворенным.

«Задница, всё-таки, классная!» — Сыто подумал Антон, не отказав себе в удовольствии потрепать вальжжные белые ягодицы. Надо было встать и уйти. Снова попытаться осмыслить, что же это все-таки было? Зачем он это делает и куда это приведет? Но телу было так хорошо, сладко, тепло и уютно... И эта лежащая на полу женщина с обкончанным им влагалищем, пожалуй, даже вызывала пугающе-нежные чувства. Он привык относиться со сдержанным уважением к дамам ее лет. И теперь его плющил внутренний диссонанс. Будь на ее месте любая, самая страшенькая его ровесница, все было бы просто и понятно. Повеселились и разошлись. Захотели — еще повеселились. Лишь бы не залететь. А тут — словно какая-то ответственность. Словно думать надо, что делаешь. Он не мог придумать ярлыка для Калерии, поместить ее в одну из своих коробочек для классификации людей и событий. Вот, такая данность. Но засасывает, черт, засасывает!

Калерия неторопливо поднялась с пола, облачилась в халатик, подошла к зеркалу, подтирая мизинцем поплывший макияж. Достала из кармана сигаретку, закурила и обернулась. Волосы ее растрепались, краска стерлась, и вся она стала как-то светлее и моложе. Глаза лучились ироничным теплом.

— Антон, спасибо за помощь! Вы можете быть свободны. Думаю, люстру протирать теперь долго не придется. — В ее голосе звенели ехидные колокольчики.

Опять эти ее подколы.

— Ну, я найду попозже. Может, еще какая помощь нужна... — Упрямо пробасил Антон, утряхиваясь в джинсах и втягивая живот, чтобы не защемить кожу замком.

— А вы не устанете... мне помогать? — Калерия откровенно смеялась. Опять подначивает, зараза, за мальчика держит. Хоть оправдываться начинай.

— Не устану! — Буркнул. Повернулся и вышел. Надо было всё осмыслить.

Осталось понять, зачем он здесь вообще. Поехал заработать на свадьбу, мир посмотреть, себя показать, что-то доказать кому-то и покорить Оленьку. А остался один у разбитого корыта в чужом городе. И что дальше? Возвращаться домой ни с чем под сочувственные взгляды знакомых? Попытаться барахтаться и зацепиться в Москве? Или просто плыть по течению: день прошел — и слава Богу? Со всем этим надо было что-то делать, а неожиданный секс с Калерией снимал все вопросы и наполнял жизнь эмоциями. Он понимал, что сейчас вот так вот запросто не откажется от этого нового приключения. «Ладно, поживем — увидим» — говорил он себе. А в глубине души хотел продолжения. И это пугало и отвращало его от себя. Он пошел в спортбар и тупо нажрался, плясь в какой-то нафиг не нужный ему матч. Домой вернулся поздно, окинул вышедшую в прихожую Калерию тяжелым нетрезвым взглядом и закрылся в своей комнате. Он снова тихо ненавидел Калерию. Она была невольной причиной и свидетельницей его падения и ухода от себя. И эта ненависть странным образом сплелась в нем с желанием. Подчинять и наслаждаться ее подчинением. Словно это снимало какие-то комплексы, вину и ответственность и наполняло его звериной силой и чувством собственной значимости.

Он еще трахнет ее. Трахнет.

***

Юрик стал приходить ночевать каждый день, и это снимало напряжение в квартире. Он много хохмил, немножко врал, болтал по телефону с Ленкой, интимно понизив голос, делился скачанной на телефон порнушкой и приколами — в общем, разряжал атмосферу. Тоха забылся еще на несколько дней, стараясь не замечать Калерию и вообще задерживаться на работе — не забыть бы, что он сюда за деньгами приехал.

На пятую ночь он вышел на кухню попить воды и столкнулся с хозяйкой, выходящей из ванной в очередном — розовом махровом — халате. Усталое лицо сияло чистотой смытого макияжа, в руках — какие-то флакончики. Они тесно столкнулись в дверях, и Антон ощутил биение ее сердца под халатом. А, может, своего. Словно проверяя на податливость, плотно прижался к ней всем телом. Калерия смотрела на него снизу вверх напряженно, будто смущаясь их внезапной близостью. Антон буравил ее насмешливым взглядом, а из глубин души вносил подымала голову похоть вкупе с неуверенностью. И надо было выдержать этот верный, отстраненно-насмешливый тон, чтоб самому не оказаться в дураках и при случае повернуть все так, что «сама захотела». Антон потихоньку, но настырно втиснул Калерию в ванную комнату и, глядя ей в глаза, запер защелку. Электричество тёмной страсти засверкало

в спертом, влажном воздухе.

— Ну, что у нас сегодня по плану? — Насмешливо протянул Антон, пытаясь скрыть внутреннюю дрожь. — Опять прикинемся целкой или сразу перейдем к вечерним процедурам? — Он офигевал от собственной наглости. Но иного пути не было. Только жесткий напор, только хардкор. Он притянул Калерию к себе за талию, эрекция в штанах впиалась в твердый лобок под халатом. Называется, почувствуй нашу любовь. Калерия тяжело задышала, ощутимо обмякая в его жестких руках. И вдруг резво прильнула к нему всем телом, притянув за бедра, прикусив острыми зубами мочку уха. Голова закружилась, сердце застучало как сумасшедшее, по телу пробежали щекотливые мурашки.

— Антон, вы точно не пожалеете? — Услышал он низкий шепот, проникающий прямо в мозг. Блин! Она еще и играет с ним! Что за вопросы! Его цепкие руки раздвинули запах махрового халата, ощупывая возделенные полные груди, мучительно лаская затвердевающие соски. Калерия выдохнула, застонала, сощурившись. Одна рука Антона скользнула вниз, отодвигая махровую полу.

— А ну, повернись! — сказал он, по-хозяйски разворачивая Калерию за плечи и нагибая к раковине, приподнял полы розового халата, под которым — чёрт возьми! — не было трусов. Она послушно подчинилась, наполненная тревожной дрожью ожидания. Нажав на поясницу, заставил ее низко прогнуться. Загнул розовый подол, оглаживая молочно-белую спину и пышную корму, наслаждаясь робкой ответной дрожью. Она оцепенело лежала обнаженной грудью в мокрой раковине, расставив дрожащие ноги, между которыми маячил знакомый уже Антону пухлый холмик. Пальцами раскрыл щель между половыми губами, медленно впихивая их поглубже. Вагина сжалась, втягивая их в себя, выделяя смазку готовности к животной случке. Всё так странно и нереально. Их молчаливая взаимность была глубоко наполнена горечью отторжения, чуть подернутой, словно лужа радужной бензиновой пленкой, тонким слоем принятия друг друга.

Спортивные штаны соскользнули на пол, красноватый член закачался на весу, сжавшееся в предчувствии тело Калерии отозвалось мощной судорогой, когда возбужденная головка, словно в масло, впихнулась в горячую, мокрую щель. Протяжно застонала куда-то в слив раковины, вцепляясь в ее края, усиливая его возбуждение. Сосредоточившись, накачивая ее, стонущую и трясущуюся, словно насосом, старался не думать ни о чем, купаясь в ощущениях. А ощущения были такие, что он теперь отвечает за ситуацию, он ее хозяин, а она лишь послушная сучка. В этом был нереальный кайф и одновременно что-то пугающее. Словно он взял больше, чем мог унести. Но надо же когда-то... Не всё же мальчиком... Он ритмично натягивал ее за бедра, стараясь не думать о том, что нет пути назад. Они оба влипли. Впрочем, эта отчаянная, возбужденная податливость означает для него только одно: много доступного секса с роскошной зрелой бабой. За который не надо никому ничего доказывать. Ничем платить. Надо просто взять. Калерия вздрагивала и ритмично стонала, и он наливался силой: довести самку до иступления, чертовски приятное хозяйское чувство, кстати, и возбуждающее без меры. Что-то извращенно-грязное в этой спонтанной случке, но от того еще более сладостное... А вообще ни о чем не думать, драть и драть, вцепившись в податливые бедра. Ускорился, возбуждение подхлестывало, заставляя извращаться, быть жестким. — Сюда иди! — выдохнул он на грани.

Быстро развернул ее к себе, с нажимом опустил на колени. Глядя в помутневшие глаза, строго-сосредоточенно пошлепал по губам и щекам измазанным ее выделениями хуем. Она с

трудом перевела дух, обхватила губами раздувшийся от ебли серовато-багровый орган, впуская в рот. Антон недолго продержался, сосредоточенно долбя всхрипывающее горло, придерживая Калерию за затылок. Хозяйкины маленькие глазки вытаращились до упора, когда вдавленный в горячую глубину глотки хуй запульсировал долгожданными сгустками, вытряхивая из зажмурившегося Тохи бесконтрольную морзянку стонов. Её лицо было блядски-счастливым несмотря на попытки отвертеться и отплеваться — было видно, что она не приучена глотать. Струйки семени маленькой Ниагарой потекли по шее.

— Глотай! — Потребовал Антон, зажимая ей рот. Почему-то это было чертовски важно. Так и не позволил выплюнуть, вталкивая обратно, пока не сглотнула, судорожно кривясь. Теперь все было в полном порядке. Но это еще не все. Завтра выходной. У него серьезные планы на эту ночь. Смехуечки закончились.

— Ну, и как? — Он протянул ей руку, поднимая с колен.

Калерия, дрожащей рукой утирающая рот, выглядела как сытая, довольная кошка, наевшаяся сметаны. Она дышала сексом, пила его взахлеб, купалась в нем, как в море. Антон позавидовал какой-то горькой завистью — он-то не был уверен, что этот секс должен его полностью устроить. Но, все равно, чертовски тянуло неизведанное.

— Иди в мою комнату! — Властно приказал ей. — Я с тобой еще не закончил.

Калерия сверкнула глазами и вдруг вся сжалась, натягивая халат.

— Антон, вы с ума сошли, там же Юра. Мы и так с вами бог знает, чем занимаемся, не хватало еще...

— Иди-иди! — Усмехнулся Тоха. — Юра спит.

Его почему-то сильно заводил страх Калерии спалиться. И это ее трогательное «вы» в любой, самой дурацкой, ситуации.

Та с серьезным лицом испуганно мотала головой, судорожно запахиваясь:

— Антон, нет! Это слишком.

— Юра спит! — Проговорил Антон, подводя ее за локоть к двери в их комнату. — А я собираюсь тебя ебать до утра в своей кроватке. Поняла, сладкая? — Он прошептал это на ухо, совсем тихо и легонько шлепнул по заднице.

Что-то вдруг надломилось в ней как в тот, первый, раз. Она закусила губу и, словно замороженная, чуть дрожа, с широко раскрытыми глазами шагнула в комнату. В полоске света Антон видел, как соскользнул с плеч халат, обнажив ухоженное, рыхлеющее тело, а Калерия, вопросительно обернувшись, нырнула под заношенное одеяло, в сбитую постель, впитавшую запах его мужского одиночества. У дальней стены заворочался, бормоча во сне, потревоженный Юрик. Калерия чутко замерла, натянув одеяло по самые глаза.

Антон быстро сполоснулся в ванной и, дрожа от нетерпения, нырнул в нагретый женским телом уют смятой постели. Всем телом прильнул к нежной плоти, обнял со спины, вжимаясь пахом в ложбинку между ягодиц, вдохнул запах женской близости: подтаявших за день духов, подкрашенных волос, чистоты и покоя, плюс еще чего-то будоражающего, обволакивающего. Настырно балуясь, чувствительно сжал грудь, одновременно, словно бы невинно, дуя в шею. Калерия засмеялась тихим, счастливым девчоночьим смехом, в котором проскальзывали нотки непроизвольного возбуждения, тем сильнее, чем откровеннее мацал Антон молочно-белые шары с упругими сосками. Он снова начал заводиться: легкие дуновения в шею перешли в покусывания мочки уха и напористые засосы тревожно бьющейся венки. Член распрямился и влажно уперся в чуть шерстистую промежность. Ебаться, ебаться —

ошалело заколотилось сердце. Рот наполнился сладкой слюной предвкушения. Калерия уже была готова, плавая под его прикосновениями, словно горячее масло на сковородке. Видно было, как балдеет она от его откровенного нахальства, теряя способность соображать и «держать лицо», намакая промежностью, сдержанно постанывая и похотливо вибрируя всем телом. Перевернул ее на живот, тяжело навалившись, будто на мягкий матрас, на белую спину и пышную попу, раздвигая коленками гладкие ляжки, горячо дыша в шею и притыкаясь к заветной щели распаленной головкой. Плотно зафиксировав всем телом, вжав в постель, стал пощипывать соски и, чуть задевая, водить членом по мокрой промежности, раздражая, заставляя стонать и наливаться страстью. Радостно чувствовал ее зашкаливающее, не находящее выхода возбуждение. Она билась под ним, как птица, извивалась ужом, вздрагивая ягодицами, пытаясь впустить в себя неуловимый, но такой близкий и будоражающий член.

— Антон, что вы делаете! — Простонала она, запрокинув голову.

Это «вы» окончательно снесло крышу. Сжимая соски, впился жестким поцелуем в запрокинутые стонущие губы, член вдруг промахнулся, уперевшись между упругими ягодицами, и Тоху пронзило дрожью запретного желания.

— Сладкая, какая ты сладкая! — Забормотал он, ёрзая мокрой головкой по мягкой плоти, тыкаясь в неизвестность. Почему не овладеть ею нагло и извращенно, раз она дает, все равно даёт... Оленька не давала в попку. Он даже и помыслить не мог. Однажды, давно, после армии, попробовал с одной девахой, но ничего толком не вышло. Но здесь никакая не девчонка, а жаркая зрелая баба, непаханное поле для самых смелых экспериментов...

— Не скучаешь больше по лысому? — Его горячий шепот обжег ее шею. Она на мгновение оцепенела. Потом — он это почувствовал — обмякла всем телом и замерла в ожидании.

— А в попу ему давала? Ну, скажи: давала? — Антон знал, что слова эти попадают точняком к ней в мозг и там будоражат ретивое.

Он опять чувствовал, что гонит ужасные пошлости, но шестым чувством понимал, что именно эти пошлости и должны сработать.

— Ан-тоон! — Страдальчески простонала Калерия, пытаясь увернуться от болезненно раздражающего ягодицы члена. — Может, туда хочешь? — Пыхтел Антон, пытаясь добиться своего. — Хочешь, ведь? Хочешь? — Жарко шептал он, покусывая мочку ее уха.

В нем проснулся первобытный хищник, безжалостное животное. Хотелось ощущения упругой, тягучей плоти, страдальческой податливости, полного ее подчинения. Нажал пальцем на анус. Вскрикнула и дернулась. Но палец уже безжалостно и жестко раздражал вход. Калерия тихо захныкала, но он понимал: от перевозбуждения она готова лезть на стенку, и надо брать своё по горячему. На место пальца приткнулся твердый горячий член, болезненно раздвигая теплые мягкие половинки.

— Ай, Антон, нет, не так, больно! — Простонала в подушку Калерия.

Уфф. Кажется, придется попрыгать. Упруго подтянувшись, он включил ночник и нашарил на прикроватной тумбочке полувыжатый тюбик дешевого крема. Всунул поглубже между покорно замерших половинок и с силой выдавил густую массу, целясь в раствор ануса. Калерию передернуло, ягодицы ее сжались, но она продолжала, тяжело дыша, выжидательно-безмолвно терпеть, уткнувшись в подушку.

— А вот так?

Антон размазал жирный блеск головкой по красноватому узелку и стал вдавливать,

нажимая всем телом, постепенно проникая внутрь.

— Ммммддаааа... — Как сладко слышать этот адресованный подушке глухой вой! Еще одно нажатие — и головка неожиданно провалилась в податливое узкое нутро. Он ненадолго замер, привыкая. Потом начал тихонько двигаться, растрахивая, впитывая новые ощущения. От мысли, что он ебет Калерию в жопу, реально снесло крышу. Он лежал на ней, вцепившись в ее плечи и двигал тазом. Было довольно неудобно, но он словно боялся потерять какое-то ощущение или позу. И еще очень хотелось при свете ночника заглянуть в глаза, увидеть блядский блеск, покорность и туман наслаждения. Замерев и отдышавшись, прошептал на ухо: «Вставай на колени». Подскочил, поднимая и разворачивая.

Она встала на четвереньки, опустив голову, словно в чем-то виноватая. Натруженный анус покраснелся, грудь беззащитно повисла, стала видна легкая дряблость кожи. Раздвинутые ноги коленками внутрь приглашали перепахать смачные дырки. Пахнуло ощущением сладкого, темного разврата. Черная магия под названием анальный секс, затуманила мозг, обессиливая и выматывая острым, несправедливым наслаждением. Пристроившись сзади, он уже не спеша ввел член в сплетение крепких мышц, смакуя каждый тугий миллиметр. Калерия бесконтрольно застонала, мотая головой. Он уловил помутневший от мучительного наслаждения взгляд, открытый влажный рот, царапающие простыни холёные пальцы, дрожащую куделю рыжих волос. Член немного расходился, Антон с отяжечкой поёбывал мычащую даму, плюща яйцами хюпающую влагу. Калерия, просунув руку между ног, отчаянно теребила свои сочащиеся истомой складки, то мучительно скручиваясь от его нарастающего напора, то ответно насаживаясь до упора на скользкий член. Оба взмокли и стонали, черный смерч затягивал их в вихрь ритмических конвульсий, еще немного — и ядерный взрыв...

— Эх, интересно девки пляшут! — Перед ними стоял взлохмаченный заспанный Юрик. — Я, бля, думал, мне чё снится!

Оба на секунду оцепенели. Калерия покраснела всем телом, беззащитно оглядываясь на Антона. Какой-то веселый бес, хихикая внутри, заставил его лишь напористо поддать жару, словно так и должно быть, словно в порядке вещей для него было драть Калерию в зад в присутствии дружка. Смущение и ужас на ее лице снесло гримасой страдальческого наслаждения. Вот так, пусть теперь помнит свое место, лледи!

— Она чё, даёт тебе, Тоха? Эх, ниуя! Каалерия Борисовна! Даёт и подмахивает! — баранье недоумение на лице Юрика сменилось смущенно-блудливой ухмылочкой.

— Ауффхх... Видишь — даёт! — Делано, выдохнул Тоха, приостанавливаясь в Калерии и наслаждаясь ее стыдом и испугом. — Хорошо даёт, старается! — Он похлопал ладонью ее потное бедро. — Калерия Борисовна у нас сегодня дообря!

Калерия цепенела под ним, глаза ее наливались слезами, но принимающие его член гладкие мышцы напряглись, словно всасывая его в себя и не желая отпустить, а по ляжкам текло...

— Каалерия Борисовнаа... — Изумленно-насмешливо протянул Юрка, присаживаясь на корточки и пытливо заглядывая снизу вверх в покрасневшееся лицо с помутневшими глазами. — Каалерия Борисовна! Вам нравится жесткий секс? — Юрка нагло и неуверенно дотронулся пальцами до ее покрасневшей щеки, смутно ощущая, как первое полусонное недоумение плавно превращается в поступательно нарастающее возбуждение. Вот это ссучка, подарочный вариант...

— Ей оочень нравится жесткий секс! — Антон жёстко куражился, оттягивая голову Калерии

назад за волосы. — Она любит ебаться с парнями. Хочешь такую? — Он заглянул в искажённое лицо Калерии. Та лишь, теряя чувство стыда, громко стонала и подавалась назад бедрами.

— Нее, я что-то стесняюсь неприличных женщин... — Юрик со ехидной улыбочкой распрявился, никуда, впрочем, не деваясь. Лишь легкая насмешка на лице постепенно перекрывалась тенью тяжелой похоти да висящие на тощих мальчишеских бедрах семейники слегка затопорщились перед самым лицом вздрагивающей от Тохиного напора Калерии.

В какой-то момент Тоха жестким толчком подтолкнул ее вперед, запрокинутое, искаженное лицо смачно впечаталось в Юркин лобок, искривленные губы похотливо обхватили выпирающую под тканью выпуклость. Юрка зажмурился и непроизвольно вцепился в ее волосы. Давалка, давалка, развратная шлюха — забилося в мозгу. Она сама хочет, она всё сделает... Отлетела на задний план вертлявая Ленка, смущение и правила. Сегодня у него приключение, не каждый день такое случается, и надо брать, пока дают... Калерия Борисовна, горячо подмахивая Антону, тонкими пальцами, сдвинула раствор Юркиных семейников, добравшись влажным языком до поджатых яичек, страстно провела по ним языком, засасывая, и все Юркины мысли унеслись куда-то. Осталось только взволнованное, порочное лицо зрелой бабы, выпутывающей его член из-под резинки и туго обхватывающей ртом взмокшую головку, заглядывающей ему в глаза похотливым блестящим взглядом...

— Ввваавв... — Юрка зажмурился. Ноги подкашивались. Яйца гудели, в них шебуршилось желание секса, и в какой-то момент он понял, что трахает, придерживая за голову, Калерию прямо в плотное кольцо алых губ, обхвативших его затвердевшую палку. Сквозь прищуренные веки Юрка замороженно смотрел, как потерявшая человеческий облик Калерия с помутневшим взглядом наезжает губами на его член, а Антон дерет ее сзади, шлепая яйцами по мокрой плюшке.

Демон яростной случки, ворвавшись в комнату, распростер над ними свинцовые крылья, наполнил пространство запахом ебли, матом и стопами, низко спланировав, проникновенно заглянул в затуманенные наслаждением антрацитовые глаза Юрика, положив когтистую лапу на пах, подвигал бедрами рядом с Антоном, словно пытаясь вместе с ним добраться до вершины наслаждения, прошептал в уши Калерии: «Все правильно: ты просто сучка, обычная грязная блядь, каких много, дай им всем...» С радостной ухмылкой лицезрел ее возбужденно расширившиеся глаза и конвульсивно скривившийся рот. За считанные минуты до рассвета по-особенному сгустил в комнате сумрак, напоив его чем-то особенным, неминуемо приближающим разрядку взрыва, населив проблесками зовущих в сладость бесовской корчи образов...

У Калерии первой унесло крышу. Тело ее потяжелело и напряглось, выгнулось и затрепетало. Антон ощутил особую дрожь конвульсивно сжимающейся задницы, это был знак, сигнал, контрольный выстрел в мозг, член запульсировал, вымучивая, сука, сильный оргазм, согнувший Антона пополам, на мгновение лишив его воздуха, словно резкий удар под дых, выбрасывая сперму толчками, словно маленькие вагончики, выскакивающие из туннеля: чух-чух-чух-чух-чух-чух-аааааа... Калерия выпустила изо рта Юркин член, дергаясь, аххая, рыча и всхлипывая, и тому ничего не оставалось, как, схватив его рукой, яростно додрачивать, стреляя спермой в открытый рот, на зажмуренные веки, встрепанные волосы, дергающуюся белую грудь.

Демон страсти беззвучно яростно захохотал, раздулся, словно джинн из сказки и свернулся

куда-то в угловую сумрачную тень. За окном отчетливо брезжил рассвет.

***

Или это был какой-то другой рассвет?

Все смешалось в голове Антона в последующие дни. С этого дня все без исключения их ночи были полны пряным развратом.

Была ли это ночь, когда они ебали ее, по очереди заливая спермой похотливое нутро? Елозя по выплескивающемуся семени друг друга, барахтаясь в ее бесконечных истеричных оргазмах.

Или та ночь, когда, связав ей руки, трахали только в рот до хрипоты по очереди и вместе? Обкончав не по разу всё лицо, залив спермой нос, залепив ресницы, склеив волосы, забрызгав шею и грудь. Как мучительно она тогда стонала и извивалась от похоти! Но они были сладко-неумолимы, не позволяя ей кончить, а лишь жестоко используя ее возбуждение для остроты собственных ощущений.

Или та ночь, когда Антон, забросив себе на плечи ее худощавые ноги в красных сетчатых чулках (и откуда она только выкопала такое блядство?!) жестко растряхивал ее податливую задницу, а Юрик, усевшись верхом на лицо, сосредоточенно елозил чувствительной головкой в ее глотке, играясь с вибрациями бульканья и хрипов?

Может, это была та ночь, когда, заткнув рот Калерии её новым лифчиком, Антон, наконец-то решился ее выпороть своим ремнем? Это было нереально, до слёз, возбуждающе! Широкие алые полосы, рассекающие пышную грудь и мягкий живот, бьющееся, извивающееся тело, которое Юрик, жестко фиксировавший ее запястья, тут же спешил покрыть яростными укусами, сжимающаяся мокрая вагина. Антон трахал ее пальцами и снова брался за ремень, чтобы отстегать поджарые ляжки и сочную попу. И когда она была на грани от зверского, болезненного возбуждения — Тоха, намотав волосы на кулак, отдолбил ее в глотку, в то время, как окончательно разошедшийся Юрик лизал мокрую пизду, играя с пульсирующим клитором. Доведя языком до оргазма, залез на нее, кончающую, и довел еще раз до исступления, с резкими выдохами летая над ней, словно птица. Время остановилось. Ночи разврата слились воедино.и виноватый взгляд. Он аж задохнулся. Так вот, что ей надобно. Да не проблема. Сегодня он чувствовал себя уверенным, как никогда, ни тени прошлого смущения не осталось в нем. Словно кто-то говорил ему, как поступать. Кажется, он запутался в зрелом, тяжелом разврате с Калерией. Но и словно получил моральное право доминировать, подчинять и развращать. С Аленой все восхитительно просто. Как это сладко — знать что она твоя, только твоя, эта глупая шлюха с богатым опытом разврата, всегда готовая к подчинению, и никуда не денется. Интересно: это уход Оленьки так сильно изменил его отношение к женщинам? А раньше он был другим? Он не помнил, честно, не помнил, как это — по-другому. Быть хозяином — проще простого. Нужно только сделать этот шаг, только один шаг. Он сделал этот шаг. Алены сиськи уперлись ему в живот. Она сдержанно задышала, опустив глаза. Медленно ущипнул за щеку, оттягивая большим пальцем нижнюю губу, проверяя на готовность к подчинению.

— Сегодня я твой хозяин. — Тихо сказал Антон. Они стояли вплотную на ступеньках бизнес-центра, сзади съезжались-разъезжались стеклянные двери и народ, оглядываясь, обтекал их стороной.

Алёна слегка покраснела и, глянув дерзко и откровенно, чуть прикусила его палец. Вот, надо же: пробы негде ставить, а краснеет. От удовольствия, надо понимать. От этой мысли

засвербело все, что должно было засвербеть. Черепушка лихорадочно работала. Тащить домой — не вариант. Прошлого раза в такси ему хватило, к тому ж — теперь совсем иной расклад. Дома может оказаться Калерия, и не совсем понятно, как раздуливаться с двумя бабами. Надо действовать быстро. Дотрахать эту глупую лялю — дело принципа. Перед глазами мелькнул пустынный коридор, усыпанный побелкой дальний туалет, в паху блаженно заныло: вот, то самое место, где надо трахать таких тупых шлюх, как эта Алёна.

— Резина у тебя есть, королевишна? — С ней, пожалуй, только так.

— Есть. — Алёна, усмехнувшись исподлобья, похлопала рукой на висящей на боку сумочке. Ну, значит, все в порядке. Только его и ждали.

— Пошли! — Он взял ее за запястье и повел в глубину бизнес-центра. Алёна молчала. Но он боком чувствовал ее острое возбуждение. В лифте они оказались одни, и он немедленно прижал ее к стенке, заглянул в глаза, задирая юбку. Не тот случай, чтобы церемониться. И так всем всё ясно. Он тащит ее трахать незнамо куда, а у нее даже и вопросов нет. Алёна застонала и подалась всем телом, когда Антон быстро стянул с нее трусы, скользнувшие к ногам, и задрал тонкую ткань майки, обнажая упругую грудь в заношенном, когда-то белом бюстгальтере. Вытащил из чашек молочно-сисечное богатство с вишневыми ореолами. Не удержался — лизнул и прикусил, заставив закрыть глаза и вздрогнуть. Звяк. Отпрянул от задыхающейся, распаленной шлюшки. Быстро же. Без остановок доехали до верхнего этажа. Впрочем, она еще не знает, что этаж пустой. Надо устроить ей развлечение. Алёна испуганно поправляла лифчик, но он перехватил ее руку, и, глядя ей в глаза, нарочито медленно произнес:

— А, вот, сейчас ты, как послушная девочка, выйдешь именно в этом виде. Либо я поворачиваюсь и ухожу, а ты одна топаешь домой. — Он блефовал. Уходить вовсе неинтересно. Так хочется посмотреть, как эта шлюшка будет выкручиваться. Конечно, есть маленький, совсем крошечный, процент, что на этаж забредет кто-то из персонала. Но это будет даже забавно. В конце концов, не он же полуголый. А она и не такое, надо понимать, видала. Двери начали медленно съезжаться, Антон подставил ногу, продолжая гипнотизировать Алёну. Стукнув по кроссовке, двери снова с лязгом разъехались и встали.

— Это твой шанс найти нового хозяина. — Властно соврал Антон. Не собирался он с ней хозяйничать больше одного раза. Но уж этот раз — его!

Он видел, как стучат ее зубы, в глазах застыла пустота и неуверенность, блестящая промежность испуганно поджимается, и от того ощущение жалкое и возбуждающее одновременно.

Решилась. Подобрала упавшие трусы и, зажмурившись, шагнула из дверей лифта. Антону снова чуть не добавило дверями, когда он вынырнул за ней.

Пустынный коридор, насквозь просвеченный солнцем из свежепоставленных пыльных окон, был завален обрывками упаковки, шматками шпатлевки, обрезками гипсокартона и припорошен побелкой с кое-где пропечатанными, словно по зимнему насту, следами подошв. Алёна, видимо, слегка выдохнув, всё же, трепеща, стояла посреди коридора, непристойно-полуобнаженная, с задранной на полные бедра юбкой и с комком розоватых трусиков в руке.

— Видишь последнюю дверь слева в конце? — Продиктовал Антон. — Это туалет. За минуту, пока я иду по коридору, ты должна добежать до него и встать раком на унитаз. Если не успеешь до моего прихода — опять же, остаешься одна.

Конечно, ни за что бы он ее не отпустил. Но так клёво видеть отчаянный блеск возбуждения в этих глуповатых вишневых глазах...

Алёна без предисловий припустила по коридору так, словно от этого зависела вся ее дальнейшая жизнь. Охуенное зрелище вздрагивающей задницы и разлетающихся сисек. На боку бьется блестящая сумочка, в руках — розовые трусы, подошвы голубых балеток мелькают побелкой. Антон не спеша шел по коридору за ней. Вот, оглянувшись, хлопнула дверь туалета. Вот и всё. Попалась птичка.

Открыв дверь, он увидел ее стоящей коленками на ободке унитаза, опирающейся локтями и грудью на присыпанный побелкой бачок. Не, ну, сучка же!

Поза Алёны излучала безусловную готовность к любым приказам. Узкая юбка задрана на талию, майка валяется на грязном полу, чашки лифчика приспущены не живот. Да уж, неплохо адресировали ее Дэн и Снежная Королева! Антон с размаху шлепнул по расprostертой перед ним розово-молочной заднице со следами швов узких трусиков. Жопа вздрогнула и порозовела. Алёнка, обернувшись, ойкнула, и это было так мило, что немедленно захотелось большего. Упругие складки розовой вульвы ждали хозяина. Антон медленно подразнил их пальцем, глядя, как рефлекторно сжимаются в ответ податливые мышцы промежности. Раздвинул ягодицы, словно производя ревизию всех богатств. Полез в мокрые складки вагины, раздвигая, рассматривая. Ощущая опытную, привычную жестким ласкам, растрханную плоть. Аленка выгнулась, и сладкие стоны ударились в пустоту каменного пенала.

Её возбуждение было спонтанным и заразительным. И Антон вновь удивился тому, как чудесно выдрессировал ее Дэн — бери и пользуйся. Но он не торопился, нет — надо было в полной мере насладиться всеми возможностями этой новой игрушки.

— Ну, давай, расскажи, как жилось сучке у прежних хозяев? Кормили-одевали-выгуливали?

— Его пальцы стали настырнее и жёстче, и Алёна моментально приняла новую игру.

— Ахх... Одевали... как одевали... больше-то... раздевали... — он видел, как трудно ей говорить, распираемой ощущениями, но она старалась по привычке быть послушной и доставлять удовольствие. — Ну, да, и по клубам таскали... одетую... как шлюху... их друзьям нравилось со мной развлекаться-а-а... — Антон ласкал, пощипывая, ее глядящие в пол вишневые соски.

— Продолжай, продолжай, шлюшка, про своё блядство, я тебя внимательно слушаю! — Антон сильно шлёпнул по розовой заднице и мокрой промежности.

— Аййй! Да... а что?

— Как кормили-поили! Не теряй нить! — Еще один шлепок вlepился в розовеющую плоть, Антон ощутил себя каким-то инквизитором, и это доставило ему неслабое удовольствие. Алёна излучала флюиды наслаждения покорностью, сладко отзывавшиеся у него в паху желанием долго мучить и дразнить её.

— Поили все время... Думала, сопьюсь... А кормили... Один раз сутки... продержали... в комнате... голой и без еды... А потом они вошли, и Дрю принесла мороженое на блюдечке, и я должна была лизать его, стоя на четвереньках на полу, а Дрю возбуждала меня сзади.

— Как? — Заинтересовался Антон.

— Кажется, каким-то перышком водила по телу, и пальцами меня ласкала в промежности, так, что я все время отвлекалась, возбуждаясь, и не могла есть. А мороженое было сладкое, холодное и липкое, но я очень голодная была, мне было все равно... А они с Дэном смеялись

надо мной. А потом... Дэн... развернул меня... и стал трахать в рот... — Куда-куда? — Антон нетерпеливо развернул Алену за плечи, сажая на унитаз лицом к себе. Ширинка торчала каменным гостем перед носом возбужденной девки, и Алёна немедля прильнула к ней лицом и губами, попутно расстегивая ремень и молнию джинсов. Выпростала распаленный член, приспустила джинсы вместе с трусами ниже, на бедра, и с наслаждением, граничащим с благоговением, приняла его ствол в широко раскрытый рот, заглотив до упора.

«Даааа, спасибо тебе, братишка Дэн! Охуенно адрессировал сучку!» — Пронеслось в мозг, когда чавкающий рот Алёны наезжал на оголенные, трепещущие рецепторы... Наслаждение было острым и томительным. Не хотелось кончать слишком быстро, хотелось наиграться с этой покорной блядюшкой, ведь, другого раза, возможно, не будет — надо взять все, по полной программе. Широкий язык Алёны приятно смочил яички, и Антон зажмурился, отодвигаясь, взяв ее за щеки, глядя в глаза.

Она дышала широко открытым ртом, как собака, с высунутым алым языком, в глазах — безумие страсти. Стоп!

— Вот так тебя оттрахал Дэн?

— Сильнее и жестче... — включилась, задыхаясь, Алёна. — И ему нравилось сочетание горячего рта и холодного мороженого. Он заставлял меня глотать целые куски, а потом трахал глубоко в горло и душил членом.

— А ты? — Антон держал ее за подбородок одной рукой, другой больно оттягивая соски.

— А я была вся мокрая... Я уже не могла думать о еде, а только о ебле, и это было ужасно, потому что я была голодная, у меня началась истерика, я плакала и текла, а Дэн душил меня своим хуем, а Дрю дразнила пёрышком и ласкала промежность, и у меня кружилась голова от голода и возбуждения.

— Ты настоящая сучка!

— Я настоящая сучка... Дэн и Дрю сделали меня такой... Я готова двадцать четыре часа в сутки жить только сексом, заниматься только им, думать только о нем... — Алёна задыхалась, тревожно-выжидательно глядя ему в глаза. Антон больше не мог терпеть.

— Резинку давай! — Алена метнулась к валявшейся на полу сумочке, вытаскивая и потроша презервативы. Взяла плотный резиновый кружочек в рот и примкнула губами к его мокрому члену, раскатывая презерватив ртом до упора. Да уж, вот это школа, ничего не скажешь, Дэнчик! Антон кивком приказал ей принять прежнюю позу враскорячку на унитазе. Алёна приткнулась коленками на сиденье, упершись локтями в бачок, как можно выше подставляя раздвинутую промежность, готовую, мокрую, блестящую, подбритую... Блять... Вот, при общей запущенности не забывает же следить за собой. Привычка! Ай да братишка Дэн! Взяв в руку член, Антон поигрался головкой с мокрыми складками. Промежность смущенно поджималась и снова растопыривалась. Захотелось войти резко, больно, тревожно. Ахх! Чпок. Он с сильным толчком вжался сразу до упора, и перевозбужденная Алёна завопила от наслаждения. Взявши за плечи, чуть согнувшись вперед, раскачиваясь, стал долбить гостеприимную матку. Пожалуй, было уже не так важно трахнуть, как покуражиться. Алёна старательно насаживалась, хлопая измазанными побелкой сиськами по скользкой, холодной поверхности бачка. Она была в своей тарелке, в своей роли. Её имели, и всё было окей, мир стоял на своем месте.

— Ты не закончила рассказ! — Вдруг остановился Антон. — Про мороженое. Тебе позволили его доесть? — Он замер в ней, оттянув её за волосы, заглядывая в глаза сверху вниз. — Ну!

Да уж, с вывернутой назад головой не больно-то поговоришь, но как это возбуждает!

— Дэн кончил мне в рот, наполненный мороженым. — Простонала Алёна, вытягивая шею. — Накончал полный рот спермы, и заставил всё проглотить.

— И как тебе? — Поинтересовался Антон, сильнее оттягивая ее за «хвост».

— С тех пор я ненавижу мороженое, меня от него тошнит.

— И тебя все равно им кормили и трахали в рот?

— Да!

— Почему же? — Он ощутил острый флюид счастья, исходящий от нее.

— Потому что я сучка. И меня надо трахать, не спрашивая!

О, умница! Антон застонал, ощутив что-то вроде прилива нежности. Они оба были на подходе, не в силах больше сдерживаться, но ему дико хотелось протрахать ее всю. Без предисловий полез в задницу, впихивая член в презервативе в узкую дыру. Алёна лишь сильнее прогнулась и громче застонала. Анус принял его на удивление гостеприимно, плотно обхватив мышцами. Жопа была упругой, но не слишком тугой, и Антон почувствовал приятную щекотку в яйцах.

— Кто... тебя... так хорошо... растряхал? — Спросил он, держась из последних сил, балдея от наслаждения.

— Охранники папаши Дэна, Коля и Миша. — Жарко выдохнула Алёна. — Здоровые такие кони. Дэн меня им отдавал растряхивать. Он сам любил по готовому, чтоб как по маслу... И перед друзьями... потом... хвастался... какая у него телка подготовленная... хххааа... — Она подалась навстречу ему упругой розовой жопой, насаживаясь на член, и щекотка в яйцах сменилась бешеной пульсацией, в глазах потемнело, бедра сами понеслись галопом, впечатываясь в развратную плоть, нагоняя оргазм, Алёна завывала утробным рёвом где-то далеко, на периферии сознания, затянутого туманом... Сперма билась в тонкие стенки презерватива, и они с партнершей были одним единым стонущим целым, сгустком сладкой пульсации, с наслаждением и ненавистью кончающие друг с другом.

— Аффф, аффф, ффф — Его руки на ее бедрах конвульсивно сжимали розовую плоть. Мир остановился, замер на несколько нереальных мгновений, но вот что-то, отмерев, вздрогнуло, и снова пошел отсчет времени. Он увидел в наслаждении мотающую головой Алёну, пыльную кафельную стену, белый фаянс сантехники. услышал гулкое эхо их стонов, отраженное высокими стенами, журчание воды из протекающего бачка, улеглись мурашки и дрожь в руках, он выскользнул из расслабленной, растряханной Алёны, брезгливо, двумя пальцами, стягивая полный презерватив, подтянув джинсы, прислонясь к стенке. Алёна развернулась на унитазах, натягивая болтающуюся на шее майку и сползшие на живот чашки лифчика, оправляя подол темной юбки. Нашарила на полу сумочку, вытаскивая из нее самодельную папироску.

— Ну, ты конь, Тоха! — Помотала она головой. — Я даже не ожидала! Где так научился-то? — Игриво спросила она, расслабленно вспыхивая зажигалкой и затягиваясь. — Кстати, будешь?

— А что это? — Тоха недоверчиво покосился на странный хабарик.

— Да так... Одна колдовская травка... Из Анголы. А, может, из Кении... — Она загадочно засмеялась и протянула ему дымящуюся папироску.

— А... Так это теперь твоя... работа? — Антон внимательно посмотрел на Алену, затягиваясь странным, непривычным вкусом, прежде, чем поплыли перед глазами кафельные стены, усыпанный побелкой пол, ведьмовские темно-вишневые глаза...

Антон стоял посреди залитого солнцем коридора. Свет лился из свежепоставленных окон. Одно из них — в торцовой стене — было распахнуто двустворчатыми рамами наружу, словно заманивая в яркий, сверкающий мир. Антон заворуженно подошел к подоконнику и глянул вниз. Слепящий солнечным светом колодец двора манил странным, пугающим притяжением. Закружилась голова, но он аккуратно влез на подоконник, не отрывая взгляда от серого асфальта и газона с пробивающейся травкой, раскинул руки, оттолкнулся — и полетел! Это было потрясающее ощущение — он плавно парил в воздухе, словно за спиной выросли крылья. «Я лечу-у!!!» — Вспыхнуло в мозгу чувство счастья, на мгновение ослепив ярче солнца. Но в тот же миг он ощутил инерцию притяжения и почувствовал, что медленно планирует вниз, словно листок бумаги или перышко, медленно раскачиваясь в воздухе, как на качелях. Притяжение становилась все ощутимее, и он почувствовал тревогу, осознавая, что всё ускоряется в падении. Вдруг в какой-то момент засвистел в ушах воздух, и он полетел камнем вниз, с перепугу громко заорав: «Не-е-е-ет!!!» Мелькнул перед глазами серый асфальт и черный газон, Антон увидел каждую травинку на нем, так четко, словно от этой четкости восприятия зависела его жизнь. «Это конец!» — промелькнуло в мозгу скорее ощущение, чем мысль. Он зажмурился. И вдруг черные недра земли разверзлись перед ним и он, словно Алиса, полетел в бесконечную в своей глубине и черноте нору-шахту. Перед глазами промелькнули корешки, комочки чернозема, камушки, грунт, глинистые и песчаные слои, дальше пошла какая-то непроглядная чернота, засосавшая его как в воронку. А он всё летел и летел, проваливаясь в бесконечность, и вдруг в глубине этого черного вихря забрезжила, всё увеличиваясь и разрастаясь, светлая точка. И в какой-то момент он влетел в знакомый до боли, залитый солнцем коридор с распахнутым настезь окном в дальней стене. Неведомая сила пронесла его сквозь растворенные рамы, и он снова завис в воздухе, неловко планируя, словно на парашуте. И опять будто кто-то переключил регистр, и он камнем рухнул в ужасающую глубину двора, врезавшись в разверстую черноту недр, и снова завертел черный коридор, кидая от стенки к стенке, крутя, переворачивая, выталкивая в близящийся просвет, всё разгоняющей инерцией выкидывая из окна туда, к нагретому асфальту и пробивающимся, разверзающимся белесыми корешками травинкам... И он не мог ничего поделать, хоть на секунду остановить эту бесконечную гонку: взлеты и падения, кручения-верчения, врезания во тьму и выплеск на свет... , Голова кружилось, как веретено, в животе всё поджималось от ужаса бесконечности, в ушах свистел ветер бешеного полёта... Он больше не мог, это было невыносимо, страшно, он не принадлежал себе, нееееет!!! Его отчаянный крик пронзил черный извивающийся коридор, это конец, и пусть лучше уж конец, чем страшная бесконечность! И вдруг черноту наполнили блики, пятна яркие цветы, алые вспышки маков с золотыми тычинками раскрывались перед его глазами, заманивая, словно цветы росянки, в своё сияющее уютном лоно. В этом новом была надежда, он вдруг расплылся в счастье, и алый цветок перед его глазами трансформировался в изгиб алых губ, и гулкую черноту пронзил низкий, тревожный голос:

— Бедный, бедный мальчик! Это я во всем виновата!

«Виновата-виновата-виновата...» — Тяжелым эхом откликнулась тьма. Что-то смутное царапнуло его сердце, какое-то неприятное, но важное воспоминание забило на периферии сознания, в черноте снова замелькала светлая точка, и вдруг осенило озарением: да чтобы остановить это бесконечное, как День Сурка, падение, нужно всего-навсего открыть глаза! Да!

Открыть глаза! Он засмеялся счастливым, свободным смехом, и в тот миг, когда неведомая сила в очередной раз вынесла его на залитый светом подоконник, он, что есть силы, распахнул глаза... Увидел высокий потолок, угол шкафа, полуоткрытую дверь... Блин! Он дома! В съемной комнате, в своей постели. Только отчего-то отчаянно плывет башка, во рту сухо, как в пустыне, и бешено колотится сердце. А в ушах, отдаваясь, бьется до боли знакомый голос: «Бедный мальчик... мальчик...» Где-то он слышал этот голос, эти царапнувшие сердце интонации, что-то смутно знакомое крутилось на периферии сознания, мучая и бередя. Вдруг вспомнилось такое же ясное утро, угол шкафа, потолок, запах кофе из кухни, беглый желто-раскосый взгляд, и тот же низкий голос, небрежно произносящий: «Надеюсь, вы не собираетесь на мне жениться!... Жениться... Жениться...»

Бляяя! Он сел на постели. Марево в башке плавало обрывками утреннего тумана, оседая, словно по ложбинам, на дне сознания. И сквозь всю эту невнятную муть выкристаллизовалась одна-единственная, четкая, как натянутая струна мысль: жениться! Вот, что ему нужно, чтобы остановить бесконечную страшную гонку! Он же приехал сюда жениться! Быть не одному. Быть с кем-то. Быть чьим-то. Какой же он дурак: жениться на Калерии! Это выход! Она достойная женщина. С ней не стыдно и не страшно выйти на люди. Плевать, что разница в возрасте. Поболтают — и привыкнут. Главное — пережить период отчуждения, но он переживет. Не такое переживали. Зато, точно не надо будет больше спать на вонючих матрасах в одной комнате с пятью гастерами, пахать без выходных и праздников, добиваться и завоевывать. Она полюбит его и таким, уже любит. Она вылизет его от макушки и до пяток, будет беречь и заботиться — он это точно знает! А он сразу получит московскую прописку, жилье, новый статус и роскошную зрелую бабу, настоящую секс-львицу, которую он будет уважать на людях и нахально драть во все дыры за закрытыми дверями. И даже иногда делиться ею с лучшими друзьями вроде Юрика. Она, ведь, ему не откажет. Она так яростно любит сек-секс-секс... Да и, в конце концов, не сможет же она помешать ему трахать молодых девок, таких, как Алёна, должна же она понимать... Может, даже сумеет ее уговорить на групповой секс с другими женщинами, сможет легально приводить домой, она поймет, она такая... Они будут счастливы, очень счастливы... А когда она покинет его — а она, ведь, старше его, и это должно будет когда-нибудь случиться — он будет долго и искренне скорбеть, а потом останется наследником московской двушки в сталинской высотке, и через положенный срок постепенно заведет себе какую-нибудь юную девочку со светлыми глазами, для того, чтобы долбить ее в рот до хрипоты и жестоко развращать аналом — а он теперь точно знает, что всем им только этого и нужно, в каждой из них живет шлюха, и он это хорошо понял... Надо только уточнить, нет ли у Калерии близких родственников, способных составить ему конкуренцию в праве на наследство. Кажется, нет. Иначе, она бы, наверное, уже проговорила об этом. Так. Надо встать и пойти поговорить с ней. Антон решительно поднялся с постели. Ноги были ватными, голова гудела. Он глянул в зеркало и перепугался. На него глядело натуральное привидение. Под широкой, красивой грудью с ровными круглыми сосками выпирали худые ребра, мятые джинсы висели под впалым животом, на бледном лице — заострившийся нос, побелевшие, обметанные губы и запавшие до черноты глаза, взлохмаченные волосы — какие-то белесые — то ли от туалетной побелки, то ли не дай бог ранняя седина... Тьфу! Неужели это он? Впрочем, черт с ним! Надо пойти и поговорить, остальное — потом. Заторможено, словно зомби, влез в тапки и вышел из комнаты. Странно, как он сюда попал? Последнее, что он помнил — тяжелая затычка, завертевшийся перед ним

высокий потолок туалета и заполнившие полмира расширенные зрачки Алёны. Не она же притащила его сюда? А впрочем, какая разница!

Он стоял перед хозяйкиной комнатой, пытаясь понять, что написано на аккуратно приколотом на двери белом четырехугольничке. Буквы плясали перед глазами, складываясь в китайские иероглифы, эльфийские руны и арабскую вязь, переворачиваясь вверх ногами. Потом вдруг, словно нашкодившие школьники при приближении учителя, аккуратно и вежливо построились в ряд, и до Антона стал доходить смысл прочитанного:

«Улетела в Амстердам на длительный неопределенный срок. Просьба иногда поливать цветы. Ричи на днях заберет мой племянник Георгий. К нему же можно обращаться по всем вопросам, связанным с арендой. Телефон: 8960...»

Всё сжалось внутри. Злые слёзы навернулись на глаза. Антон сжал кулаки и с размаху, до боли, треснул по дверному косяку. В ушах снова застучало. И тут в заднем кармане мятых джинсов защекоotalись звонкие вибрации телефона. Он взглянул на дисплей — на зеленом фоне высветилась незнакомая комбинация цифр. Но уже раньше, чем он поднес к уху трубку и принял звонок, откуда-то вдруг повеяло легким дыханием, знакомым ароматом дешевеньких духов, его окутало облаком каштановых волос, перед его взором заискрились веселые, карие глаза, заиграли ямочки на щеках, колыхнулась нежная троечка груди, и только потом до боли знакомый мелодичный голос произнес:

— Здравствуй, Антон! Это мой новый номер. Запиши его. — И чуть тише, с легкой грустинкой. — Я соскучилась